

ТЕКСТЫ ИЗ ОККУПАЦИИ: ПАРАДОКСЫ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

А. Зинкевич

Война – явление многогранное, всегда неоднозначное, никогда чёрно-белое и часто парадоксальное. Последнее отражено не в учебниках истории, а в двух первичных источниках почти любого исторического события: описаниях очевидцев и оригинальных документах. В статье я попытаюсь представить отдельные документы времён Второй мировой войны, касающиеся языковой политики, которые противоречат некоторым устоявшимся доктринам или описывают редкие явления из области социолингвистики.

Парадокс 1. Поддержка немцами идиш и иврита на восточных оккупированных территориях. Евреи-переводчики на службе в гражданской немецкой администрации.

Парадоксальный тезис о поддержке языков еврейского населения оккупированных восточных областей стоит в абсолютной конфронтации с известным и незыблемым понятием «холокоста» и, как можно догадаться, носит временный, тактический характер. Тем не менее, существует как минимум один документ Министерства по оккупированным восточным территориям, датированный маем 1941 года, который посвящён предполагаемой системе образования в Рейхскомиссариате Украина и упоминает школы с языком преподавания идиш и иврит: «В некоторых регионах есть много еврейских школ с языком обучения идиш. Эти школы должны принять и всех других еврейских детей, до сих пор обучавшихся в школах с другими языками обучения... Кроме идиша необходимо поддерживать и иврит, который также служит средством обособления евреев от другого населения»⁵ [Akten: 350f.]. Эта позиция выражена в рамках первоначального регулирования языкового вопроса в Украине, и уже через несколько месяцев пассаж про идиш и ив-

⁵ Все переводы документов на русский язык – автора.

рит пропадает из подобных документов⁶. Подоплека данной «поддержки» понятна: как можно более чёткая языковая дифференциация еврейского населения.

Ещё одна необычная сторона взаимоотношений оккупационных властей и еврейского населения во время Второй мировой войны: работа евреев в качестве переводчиков для новых властей. Причём речь идёт не только о еврейских органах самоуправления в гетто (юденратах) или в концлагерях, лагерях для военнопленных из числа заключённых. По прихоти судьбы именно еврейская часть населения Беларуси, Украины, Польши и многих других оккупированных стран часто владела немецким языком. Привлечение евреев для работы на платной основе происходило как в центральной, так и в местных административных оккупационных структурах. А распространённость этого явления позволяет предполагать, что евреи-переводчики попадали даже на работу в вермахт в зоне ответственности военных на оккупированной территории. Косвенно это подтверждает повторяющаяся три раза в течение трёх месяцев (сентябрь–ноябрь 1941 года) секретная записка центральных немецких военных штабов о запрете на какое бы то ни было сотрудничество армии с еврейским населением. При этом в двух более поздних документах (в октябре и ноябре) указывается, что из-за нехватки гражданских лиц, говорящих на немецком языке, евреев следует привлекать к работе в городах в качестве переводчиков [Иоффе: 124–125]. Как и во многих других вопросах языковой политики на оккупированных территориях, наблюдается тенденция смягчения идеологических позиций, идущих во вред функционированию гражданской администрации и вермахта на Востоке: от жёсткого запрета к разрешению использовать евреев-переводчиков.

Ещё одним неожиданным фактом в языковой политике оккупантов можно считать официальный выход газеты *Geto-Cajtungna* идиш в еврейском гетто Лицманштадта (Лодзь), который немецкие власти позволяли выпускать с марта по сентябрь 1941 года. Вторая еврейская газета

⁶ Например, по данным [Scholten: 297] в «Директиве Розенберга для Рейхскомиссариата Украина» от 19.11.1941, в котором излагаются указания по организации образовательной системы в Украине, нет упоминаний об идише и иврите.

Gazeta Żydowska выходила на польском языке в Кракове с июля 1940 по август 1942 года⁷.

Парадокс 2. Пиджинизация немецкого языка.

Проблема коммуникации с местным населением и вопрос преподавания немецкого языка на оккупированных территориях, дискутируемая в верхах Третьего рейха и непосредственно на местах на протяжении всего периода войны, получили в оккупированной Польше неожиданное решение. Так как преподавание немецкого языка полякам было или полностью запрещено, или ограничивалось профессиональной необходимостью, то чтобы решить дилемму «необходимость коммуникации немцев и поляков – запрет изучения немецкого языка для поляков» возник парадокс сознательной пиджинизации немецкого языка: «...в немецком языке изучается лексика, но грамматически правильно говорить нежелательно» (Письмо Имперского наместника в Варшаве от 23.02.1943 по поводу использования польского языка в Польше) [Hansen: 85]. Вторым выходом из создавшегося коммуникативного тупика было предписание немецким чиновникам на местах изучать польский язык, но оно, по сути, так и не было реализовано до самого конца войны⁸.

Парадокс 3. Дегерманизация (!) образования в Генерал-губернаторстве, областях с гражданской администрацией в Украине, Беларуси. Усилия немецкой армии по сохранению уровня преподавания немецкого языка в зоне своей ответственности.

Если сравнить состояние изучения немецкого языка в довоенной Европе и во время войны, то вырисовывается любопытная и неожиданная картина. Во всех странах Западной Европы, оккупированных Германией, её странами-союзниками или в самих странах гитлеровской коалиции

⁷ См. <http://www.jewish.krakow.pl/pl/%C5%BAr%C3%B3d%C5%82a/280-gazeta-%C5%BCydowska> и <http://www.sztetl.org.pl/de/term/105,prasa/>.

⁸ В ходе войны Министерство по оккупированным восточным территориям рекомендовало всем немецким чиновникам оккупационных гражданских администраций изучать местный язык там, где не планировалось широкое распространение немецкого языка: в Украине, аннексированной части Польши, Беларуси. Причём наблюдается и определённая градация степени обязательности изучения местного языка. Если в Украине это было «обязанностью», то в Беларуси «рекомендацией». А, например, в прибалтийских странах – изучение литовского, латышского и эстонского не требовалось, так как предполагалось, что население будет массово владеть немецким языком.

уровень изучения немецкого языка в учреждениях образования повысился или, как минимум, остался на прежнем уровне. Можно выделить несколько типов динамики ситуаций с изучением немецкого языка до и во время войны:

- Немецкий язык **был и остался языком преподавания**: Германия, Швейцария (в немецкоязычной своей части), Лихтенштейн, Люксембург⁹, Австрия, Восточная Пруссия.

- Немецкий язык **не был, но стал языком преподавания**: территории, вошедшие во время войны в состав Рейха (Эльзас и Лотарингия, западные части Польши, Белостокский регион, Судетская область, Мемельская область, некоторые восточные округа Бельгии, немецкая зона оккупации Словении).

- Немецкий язык **был и остался первым иностранным языком**: Венгрия, Литва, Латвия, Эстония, Швеция и Финляндия, франкоязычные области Швейцарии.

- Немецкий язык **не был, но стал первым иностранным языком**: Норвегия, Голландия, нидерландоязычные провинции Бельгии, Протекторат Богемии и Моравии; территории, аннексированные Венгрией; Хорватия, немецкая зона оккупации Греции (до войны немецкий был третьим иностранным языком), итальянская зона оккупации Словении, Южный Тироль, немецкая зона оккупации Сербии.

- Немецкий язык **был и остался вторым иностранным языком**: Франция, Румыния, Дания; оккупированная Болгарией Македония, франкоязычные области Бельгии; белорусские, украинские и российские зоны ответственности вермахта. Эта зона простиралась, по сути, от Баренцева моря на севере до Чёрного моря на юге и местами была шириной до 800 километров. Малоизвестным является тот факт, что тыловые службы вермахта с первых дней оккупации налаживали преподавание немецкого языка в местных школах, руководствуясь прагматическими целями. При этом их действия вступали в прямое противоречие с установками центральных служб Рейха о запрете преподавания в восточных областях немецкого языка. Если принять, что немецкий язык до войны был первым или вторым ино-

⁹ Вместе с французским языком.

странным языком в советских учреждениях образования, то действия вермахта в оккупации можно признать поддерживающими довоенное статус-кво в вопросе довоенной языковой политики в образовании.

- Немецкий язык **из третьего иностранного языка**¹⁰ **стал вторым:** Италия, Испания, Болгария (вместе с оккупированной частью Греции), Албания.

- И, наконец, огромный по территории регион, где властями проводилась **политика дегерманизации образования**¹¹. Само понятие «дегерманизация» в отношении Генерал-губернаторства, Генерального комиссариата Беларусь (Вайсрутения) и Рейхскомиссариата Украина не зафиксировано, по моим данным, в документах Рейха. Но политику запрета преподавания немецкого языка в школах этих регионов¹², где до войны немецкий язык был одним из основных иностранных языков, можно определить именно так [Зинкевич: 64–68]. То, что в школах БССР и Украины преподавание немецкого языка велось на достаточно высоком уровне, следует из совместного Постановления ЦК ВКП(б) и Совета народных комиссаров СССР от 28.08.1932 об обязательных занятиях по иностранным языкам в средней школе: каждый выпускник школы должен был владеть иностранным языком. А немецкий к 1941 году стал первым иностранным языком в советской школе [Friedman: 328–329].

Парадокс 4. Феномен полуофициального второго государственного языка (Словакия).

Немецкое меньшинство в Словакии (после провозглашения независимости в марте 1939 года) составляло около 150 тысяч человек (4,5 % от общего населения) и было третьим по численности меньшинством в Словакии с большим отрывом от второго меньшинства – венгров. Однако немецкий язык имел в Словакии статус, гораздо превышающий значение немецкоговорящей части словацкого населения для общественной и политической жизни страны. Одним

¹⁰ Во всей Европе только в Португалии немецкий язык остался третьим иностранным языком, как и до войны (без учёта Великобритании, Исландии и неоккупированной части Советского Союза).

¹¹ Согласно официальным документам и озвученным высшими руководителями Рейха целям. На практике, конечно, ситуация была не такой однозначной.

¹² По крайней мере, в 1941–1942 годах.

из основных документов того времени, отражающим статус немецкого языка в Словакии, является немецко-словацкий культурный договор. Ключевым в отношении немецкого языка в этом документе является следующее положение: «Словацкое правительство определяет место для немецкого языка в качестве второго после государственного языка, ... что отражает его важность» [Архив МИД: R 61416, Art. 4, Abs. 1]. Здесь даже избегается дефиниция «иностранного языка», что находит подтверждение в переписке фон Твардовски¹³, который писал в своём письме от 19 августа 1942 года в немецкое посольство в Бухаресте о том, что в Словакии немецкий язык имеет неоспоримый статус местного языка, а значит определение его как «иностранного языка» в этой стране неприемлемо» [Архив МИД: R 61427].

Ещё одним ключевым пунктом поддержки немецкого языка было лоббирование языковых прав немецкой диаспоры в Словакии, которое базировалось, во-первых, на положениях словацкой конституции 1939 года, где закреплялось право национальных меньшинств «на использование своего языка в общественной жизни и школах»; а во-вторых, на деятельности госсекретаря правительства Словакии по вопросам словацких немцев, который, по сути, подчинялся не словацким структурам власти, а напрямую Берлину¹⁴. Благодаря этим двум «опорным пунктам» поддержки немецкого культурного идентитета в Словакии, а также, конечно, прямому или негласному влиянию Третьего рейха, немецкая диаспора в Словакии пользовалась исключительными правами и, в общем-то, представляла собой т. н. параллельное общество, над которым юрисдикция словацких властей была лишь условной. Более того, в результате функционирования созданной за несколько лет системы правовых и политических положений по поддержке немецкого меньшинства, его языка и культуры, словацкие чиновники вплоть до высших кругов власти законодательно должны были изучать немецкий язык. Обязательные курсы для чиновников, организованные за счёт словацкой стороны, ра-

¹³ С мая 1939 года – руководитель отдела культуры VI (отвечающего за Восточную Европу, Скандинавию и Восточную Азию) Министерства иностранных дел Германии.

¹⁴ Весь период существования независимого словацкого государства во время Второй мировой войны этот пост занимал Франц Кармазин.

ботали в министерствах транспорта, иностранных дел, экономики, в администрации министр-президента, полиции и др.

Политика в сфере образования по отношению к немецкому языку укрепляла его статус в словацком обществе: в прямых и косвенных формулировках культурного договора между Германией и Словакией немецкому языку была отведена роль первого иностранного языка в школе. А в процессе работы над текстом этого соглашения немецкая сторона сначала даже настаивала на своём праве самостоятельно создавать школы и определять в них воспитательную и учебную политику. Этот пункт соглашения был отклонён словацким правительством и изъят из текста соглашения.

Парадокс 5. Расцвет под оккупацией (русины во время венгерской оккупации).

Ещё один, скорее, нетипичный поворот языковой политики в оккупации – лоббирование языка и культуры титульной нации или меньшинства, если это совпадает с целями новой власти: здесь можно назвать языковую политику в отношении меньшинств (украинцев, белорусов, русских, лемков и т. д.) в оккупированной Польше; действия гражданской администрации в Генеральном комиссариате Беларусь и Рейхскомиссариате Украина. Но своего апогея подобная оккупационная языковая политика достигла в отношении венгерских оккупационных властей к языку и культуре русин, проживавших в Подкарпатской Руси. В отношении последних во время Второй мировой войны венгерские власти проводили такую поддерживающую местный язык и культуру политику, что многие русины называют этот период «золотым периодом русинского языка и культуры» [Падяк 2010, 132–137].

Можно было бы упомянуть и о многих других удивительных фактах из области языковой политики военного времени: о принудительной активации (полу)забытого родного языка фольксдойче; о румынских «качелях» по отношению к русскому языку – от законодательного запрета до его лоббирования как средства деукраинизации; о том, как запрет французского языка во время оккупации и лоббирование немецкого создали люксембургский литературный

язык, как этот запрет спас многих люксембуржцев от ареста и т. д.

В заключение надо сказать, что изучение языковой политики в оккупации требует своей парадигмы. Определяется это особым набором средств влияния на языковую ситуацию во время войны, большой миграцией населения, новым административно-территориальным делением оккупированных стран и другими факторами. Немного упрощая, можно сказать, что период оккупационной языковой политики часто представляет собой сжатый во времени период «мирного» языкового планирования.

Литература

1. Архив МИД. Политический архив Министерства иностранных дел ФРГ, Берлин.
2. Зинкевич, А. В. Принципы изучения оккупационной языковой политики (на примере славянских стран) / А. В. Зинкевич // Научные чтения, посвященные Виктору Владимировичу Мартынову (к 90-летию со дня рождения): сб. науч. трудов. – Вып. II. – Минск: РИВШ, 2015. – С. 64–68.
3. Иоффе, Э. Г. Актуальные вопросы изучения Холокоста на территории Беларуси в годы немецко-фашистской оккупации: сб. науч. работ / Э. Г. Иоффе. – 2-е изд. – Минск, 2006.
4. Падяк, В. Нарис історії карпаторусинської літератури XVI–XXI століть / В. Падяк. – Ужгород, 2010.
5. Akten des Internationalen Militärgerichtshofes in Nürnberg, Band 36, Dokument 347-EC. – S. 350f.
6. Friedman, A. Deutschland Bilder in der weißrussischen sowjetischen Gesellschaft 1919-1941. Propaganda und Erfahrungen / A. Friedman // Quellen und Studien zur Geschichte des Östlichen Europa. – Band 78. – Stuttgart, 2011.
7. Hansen, G. Schulpolitik als Volkstumspolitik / G. Hansen. – Münster-New York, 1994.
8. Scholten, D. Sprachverbreitungs Politik des nationalsozialistischen Deutschlands / D. Scholten. – Frankfurt am Main, 2000.